

СТАЛКЕР

Ольга Крамер

[НОВАЯ ЗОНА]
ИЗЛОМ СУДЬБЫ

Ольга Крамер
Новая Зона. Излом судьбы
Серия «Новая зона»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/19775253>

Новая Зона. Излом судьбы / Ольга Крамер: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-110578-5

Аннотация

<p>Над московской Зоной отчуждения часто погибали военные вертолеты, но ни один самолет гражданской авиации не касался зараженной территории. До того рокового дня, пока объятый пламенем борт бизнес-класса не потерпел крушение в Кузьминском лесопарке. Неслучайное падение самолета вызвало среди сталкеров настоящее соревнование за право захвата выживших в катастрофе. Таинственной высокопоставленной пассажирке и пилоту Евгению Фролову предстоит сразиться не только с монстрами, но и с самыми опасными созданиями – людьми, которые готовы на всё ради денег заказчика. Начинается охота и борьба за выживание, в ходе которых пилот понимает, что его единственная пассажирка Василиса скрывает тайн еще больше, чем ему казалось. Теперь они просто обязаны выжить, чтобы понять, кто и зачем хотел их смерти в небе над Зоной.</p>

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Крамер

Новая зона. Излом судьбы

Пролог

Дверь в просторный и светлый кабинет генерального директора крупной IT-компании распахнулась без привычного стука со стороны приемной, заставив девушку, сидящую в большом кожаном кресле, оторвать усталый взгляд от экрана ноутбука. Столь бесцеремонное вторжение в обитель главы фирмы могли позволить себе два человека: лучший друг, занимающий должность ведущего программиста, и заместитель. Каково же было удивление Василисы, когда на пороге она увидела не Макса и не Илью, а своего секретаря.

Катерина стояла запыхавшаяся, явно прибежав сюда по коридору на своих высоких каблуках, в руках она держала тонкую папку. Поймав на себе недоуменный взгляд Василисы, девушка негромко ойкнула, словно опомнившись от чего-то важного, потом под удивленный взгляд директора вышла из комнаты, постучала в дверь и снова вошла. Такое странное поведение для молодой, но рассудительной и воспитанной Катерины было несвойственно.

– У нас что, пожар? – Василиса привстала.

– Хуже! На почту только что сообщение пришло. – Девуш-

ка набрала в легкие воздуха, чтобы все объяснить, но десятки мыслей, беспорядочно пытающиеся захватить контроль над ее голосовыми связками, существенно мешали ей завершить начатое.

Не найдя что сказать, девушка положила на стеклянный стол папку и сделала шагок назад, в волнении скрестив перед собой руки в замок.

Не сводя взгляда с секретаря, Василиса опасливо потянулась к папке, листы в которой еще были теплые после печати.

– Когда это пришло? – пробежав несколько раз взглядом по тексту распечатанного письма, не своим голосом спросила Василиса. – Максима вы уже предупредили?

– Это пришло несколько минут назад! Максим Андреевич сейчас в командировке в Санкт-Петербурге.

Выругав себя и мысленно дав подзатыльник, Василиса кивнула, положив папку в один из ящичков стола.

– Подготовьте мне машину, чтобы через пять минут ждала у главного входа.

– Конечно, Василиса Владимировна!

Катерина скрылась за дверью, будто ее и не было, оставив после себя только шлейф дорогих духов с цветочным ароматом.

– Как все не вовремя-то. – Рухнув обратно в кожаное кресло, Василиса сняла очки и устало потерла глаза.

Будто напоминая о том, что времени расслабляться нет, завибрировал мобильный телефон.

– Василиса Владимировна, машина подана, – услышала она из динамика.

Хлопнув в ладоши, гений IT-сферы взяла со стола ноутбук, информационные накопители и, запихнув все в чехол, прощальным взглядом окинула свой кабинет, словно покидала его не на несколько дней, а на всю оставшуюся жизнь. Какое-то нехорошее предчувствие, что-то едва различимое укололо Василису внутри да так и осело. Погода в Новосибирске, несмотря на середину лета, стояла осенняя. Уже несколько недель лили дожди, вытеснившие аномальную жару к югу России. Последние дни столбик термометра не поднимался выше пятнадцати градусов по Цельсию. А вот в Хельсинки, куда предстояло лететь девушке, сейчас достаточно тепло.

Однако возможность насладиться хорошей погодой в столице Финляндии сейчас была совершенно не к стати. Но иного выхода не было, уж слишком долго фирма Титовой пыталась заключить с финскими коллегами этот выгодный контракт. Больше трех месяцев партнеры размышляли над предложением, сделанным им со стороны Титовой, а сегодня пришло сообщение от лица финансового директора о том, что они согласны на условия сотрудничества. Вынужденную срочность они объяснили тем, что завтра их директор улетает в командировку на длительный срок. А время, как известно, деньги. В этом случае речь шла об очень больших деньгах, терять которые точно не хотелось.

– Жди меня здесь, через двадцать минут буду, – сказала Василиса водителю, когда автомобиль подъехал к нужному адресу. Водитель вышел из машины, чтобы открыть перед начальницей дверь, но не успел – Василиса, выскочив из салона, уже неслась прочь.

Дома, как обычно, никого не было.

Жила Титова одна, боясь даже заводить самых неприхотливых, вроде аквариумных рыбок, домашних обитателей. Про сожителство с мужчиной она даже не задумывалась – ни один нормальный молодой человек не согласится жить с женщиной, любящей свою работу большего всего на свете.

Все как всегда. Быстрые сборы, на автомате, не задумываясь, Василиса машинально сложила вещи в небольшую сумку, взяла пакет документов, даже осталось время на душ и чашку кофе, сваренного не в турке, а кофе-машиной. Белая рубашка сменилась белой майкой, серый пиджак более деловым – черным, туфли на каблуке обувью гораздо более комфортной – балетками.

Повесив сумку на плечо, Василиса зацепилась взглядом за отражение в большом зеркале. Оттуда на нее смотрел какой-то другой человек, словно это была не она, а копия, ушедшая от оригинала, – уставшая, холодная и давно забывшая о таком понятии, как маленькие радости жизни. Одернув рукав пиджака, скрывая татуировку на правой руке, Титова невесело подмигнула своему отражению и закрыла дверь. Дом, не видевший свою хозяйку уже несколько дней,

снова опустел.

Глава 1

Вадим стоял перед носовой стойкой шасси и о чем-то недовольно спорил с техником. Спор был из неразрешимых, и в конце концов капитан махнул рукой. Уже издалека было видно, что форма на капитане отглажена до той неписаной грани, которая превращает мужчину в фактор женских соблазнов. Смотря на него, Евгений невольно ощутил укол. Форма и на нем сидела как влитая, строго по размеру, но времени на педантичное разглаживание белоснежной рубашки у него не было. Его подняли в три ночи во Владивостоке, посадили в самолет, и теперь он находился в Новосибирске. И все бегом, все по авралу – типичная жизнь запасного пилота в компании, где самолетов не так уж и много.

– Привет, Жень. Прости, что прогнали тебя через три часовых пояса. – Вадим, главный пилот, пожал протянутую ему руку, оглядывая небольшой тревожный чемоданчик второго пилота. – Меня самого выдернули, не дав даже положенных отсыпных.

– Вадим Павлович, а что случилось? – Женя посмотрел на самолет, облепленный спешащей закончить свою работу наземной командой. – Я же запасной летчик, что с основным? Гришей вроде?

– Мутная там история, не спрашивай, – делано небрежно отмахнулся Вадим, хотя движение это было скорей нервным.

– Думай лучше о том, что у тебя есть шанс показать себя.

Капитан без надобности поправил фуражку и улыбнулся неискренней улыбкой человека, которому за эту улыбку доплачивают.

– Кого возем? – деловито осведомился Женя.

– О-о-о... – Вадим вновь сверкнул белоснежной улыбкой.

– Бизнесменушу нашу. Сам все увидишь!

– Что, прямо та самая? – прищурился Евгений.

– Ага. – Вадим приблизился и прошептал в ухо, разделяя на слоги: – Василиса Владимировна. Так что поаккуратней, пассажир из требовательных.

– А на вид симпатичная. Хотя я только на фотографиях ее и видел. – Женя постарался улыбнуться, настроение у него, и без того не слишком хорошее, стало еще хуже.

«Phenom 300» – их крылатая машина еще год назад казалась Жене чем-то невозможно далеким. И кто знает, куда бы повела жизнь бывшего пилота специального санитарно-транспортного самолета Евгения Фролова, если бы не эта компания со странной репутацией, суровым отбором и уж очень дорогостоящими пассажирами.

Возле трапа их встретил стюард. Женя поздоровался с ним и, поднявшись в салон, прошел в кабину пилотов. Почему-то вспомнился его «Ил-76» с грузом, цинично именуемым трехсотым, подбитым в Таджикистане. И как он тянул этот непокоряющийся транспортник на одном двигателе к аэродрому. А потом была болезненная посадка на поле под-

солнечника, огонь и страх.

– М-да уж, у чартеров есть свои преимущества, – сболтнул он вслух, но тут же осекшись – черный ящик наверняка уже писал параметры, а значит, и его фразу тоже.

В обычной авиации подобные реплики вполне допустимы. Но когда ты возишь высоких гостей – мало ли к чему может прицепиться служба безопасности. Чтобы отвлечься от неловкости, второй пилот принялся изучать полетный лист. Данные уже были вбиты в бортовой компьютер. Чартер Новосибирск – Хельсинки. Он провел пальцем по петле, остановившись на пятне с отметкой «Бесполетная зона». Над Московской зоной отчуждения еще ни разу не падал ни один гражданский или научный самолет. А вот вертолеты гибли там часто.

– Борт семнадцать сорок один предполетный контроль выполнил. Ожидаем посадки пассажиров, – четко отрапортовал Женя.

– Борт семнадцать сорок один, это диспетчер. Вам тридцатиминутная готовность, – бездушно ответил женский голос.

– Принял вас, вышка.

Закончив с первейшими процедурами, Евгений поспешно покинул кабину, дабы встретить по традиции пассажира. Очень вовремя – к самолету размашистым шагом уже шли двое. Она и ее охранник или водитель. Если уж симпатичная

секретарша у босса всегда любовница, то интересно, как тут у них с водителем? Подумав это, Женя улыбнулся, но тут же получил тычок локтем под ребро от находившегося рядом Вадима.

– Смирно. Лишнего не болтай! – буркнул Вадим и вытянулся по струнке.

Как только Василиса оказалась в нескольких шагах от пилотов и бортпроводника, эмоции на ее лице резко сменились. Минуту назад сосредоточенный взгляд вдруг сделался недоуменным.

– Добрый день, Василиса Владимировна. Я, как всегда, ваш бортпроводник, – радушно представился стюард.

– Здравствуйте, – она прочитала имя, которое вечно забывала, на бейдже, – Андрей. Очень приятно знать, что хоть где-то в этой жизни есть стабильность. – После чего, кивнув молодому человеку, перевела свой взор на пилотов. – Но, смотрю, она не везде.

– Да, – согласился Андрей. – Сегодня у нас небольшие изменения. Ваш рейс стал неожиданностью для всех, Григорий находится в другом рейсе. Знакомьтесь, капитан самолета Макаров Вадим Павлович. Второй пилот Фролов Евгений. – Отчества Андрей не знал. – Не стоит огорчаться, это очень опытные пилоты.

Было видно, что озвученные стюардом пертурбации в экипаже на мгновение заняли ее мысли.

Что бы ни случилось, летать из точки А в точку Б мы уме-

ем! – демонстрировали на своих лицах оба пилота.

– Очень приятно, Вадим Павлович. Евгений... – Девушка сделала паузу, давая возможность представиться второму пилоту.

– Александрович, – представился Женя и мельком осмотрел свою пассажирку, встретившись ненадолго с ней взглядом.

Вопреки напряженности Вадима Женя к Василисе Владимировне не испытывал какой-то излишней осторожности и страха. Может, потому, что военная авиация, полная боли и страданий раненых, научила его относиться к любому пассажиру как к очень ценному грузу. А может, и потому, что от пассажирки он ждал чего-то совсем другого. Поведения капризной малолетки, или облика светской дамы, круглый год ходившей исключительно в мехах и имеющей украшения на баснословную сумму, или манеры надменной стервы? Да нет. Просто чего-то другого. А тут милая девушка, не имеющая ничего общего со стереотипами о стервозных и сухих бизнесвумен. Поставь такую на каблучки, да не в сером аэропорту сибирского города, вне среды бизнес-зануд... Вот только взгляд у нее был какой-то с надломом, что ли. Необычный.

Бабушка, царство ей небесное, говорила, что глаза такие бывают у людей с очень сильным ангелом-хранителем. Ну что ж, посмотрим. Если увидимся еще после этого вылета. Ведь Женя знал, что параллельные прямые никогда не пере-

секаются.

С Вадимом они договорились просто – на капитане взлет и посадка, а на Жене коррекция курса полета. Можно, конечно, было просить и большего, ведь стаж и количество полетов позволяли, но участь второго пилота исключала качание прав в кабине. Однако семь часов полета стоят того, чтобы держать язык за зубами. Тем более ты и так нужен лишь для взаимодействия с бортовым компьютером да в случае экстренной ситуации. Но такой не будет. Как говорят пилоты – дважды не падать. Раз Фролов уже несся на объятном пламенем транспортнике к земле. Второго такого раза случиться не должно, а то будет многовато для одной пилотской доли. Тем более сейчас он работает в гражданской авиации, а это уже совсем другое.

Взлет прошел ровно, и, как только самолет набрал свои десять тысяч метров, пассажирка отстегнула ремни безопасности, сняла обувь и с ногами забралась в кожаное кресло. Спать в самолете неудобно, но жизнь научила засыпать Василису в любом месте, в любое время и в любом положении. Макс, ведущий программист корпорации и по совместительству близкий друг Василисы, шутил, что ему для этого навыка потребовалось три месяца службы в армии.

Титова провалилась в дремоту быстро, но оттуда ее вырвал мягкий, даже несколько застенчивый голос бортпроводника:

– Зона турбулентности, пристегнитесь, пожалуйста. – Ан-

дрей, склонившись над девушкой, оказался так близко, что ей пришлось вжаться в сиденье.

Глупо кивнув, Василиса опустила ноги на пол, с третьего раза попала в обувь и пристегнулась. Однако трясло их недолго.

За стеклом иллюминатора было одно сплошное сине-голубое полотно, единообразное и бесконечное.

Впервые в пассажирском кресле самолета Титова оказалось только в двадцать лет. Тогда уже взрослую и жившую самостоятельной жизнью девушку все это поразило и одновременно восхитило. Несколько часов юная Василиса смотрела в иллюминатор, ни капли не устав от однообразной черноты. Ей тогда не повезло и лететь пришлось ночью. Восемь лет назад Василиса завидовала людям, у которых есть возможность часто перемещаться на самолете. Поводом для зависти служила даже не сама возможность путешествовать, которой тогда не было у Титовой, а факт, что кому-то, но не ей, повезет пережить взлет, полет, посадку. Новый город, новый аэропорт, другие люди, совсем другая жизнь, а порой даже чувство, что не жизнь другая, а планета иная. Чужой язык, другая культура, иные обычаи, непохожие люди. Томительное ожидание рейса и даже его задержка на несколько часов были счастьем. Отвратительная и слишком холодная либо слишком горячая еда в экономклассе, крошечные пластиковые стаканы для напитков, из которых невозможно утолить жажду, порой неприятные соседи и неудобные места

рядом с туалетом в хвосте. Всему этому Титова была несказанно рада.

В то время у нее были только огромный багаж знаний с почти нулевым опытом, заработная плата системного администратора и невероятное желание создать что-то свое.

Спустя восемь лет Василиса получила все, о чем мечтала. Только многое оказалось не таким уж заветным и нужным, как казалось когда-то раньше. Ценности менялись с каждым годом, и только одно осталось неизменным – любовь к тому, что делаешь, и вера в свое детище. Любовь к самолетам пропала, теперь каждый перелет был утомительным, паутины ночных городов с высоты десять тысяч метров не вдохновляющими, а минимальная задержка раздражающей. Не было времени изучать аэропорт чужого города, они все одинаковые, особенно если ты проходишь в нем постоянно через коридор для важных персон. Уже давно из жизни Василисы ушли общие очереди, таможенный контроль, скучающие и тревожные лица пассажиров, заплаканные глаза провожающих и ожидание встречающих. Компания Титовой обзавелась собственным самолетом бизнес-класса, и даже экипаж, как правило, был неизменным.

– Управление справа, – Вадим передал бразды правления самолетом. Они уже входили в воздушное пространство над Московской зоной отчуждения, которая для гражданской авиации считалась бесполетной.

Над Московской зоной не потерпел крушения ни один самолет: ни гражданский, ни военный, ни научный. В отличие от гибнущих там регулярно военных вертолетов. Это касалось и зоны Питерской.

По всем правилам самолеты гражданской авиации должны делать дугу, не залетая на территорию Москвы и Санкт-Петербурга. Но всегда существует ряд исключений. За определенную сумму бразильский самолет может быть отмечен как борт, имеющий разрешение для полета. Это сэкономило время.

– Управление принял. – Женя удобней перехватил штурвал самолета, в который раз вспоминая, что инженерное творчество бразильцев никогда не ложится нормально в руки с первого раза.

– Ты смотри, – Вадим ткнул пальцем в горизонт, где ровной границей лежали облака, – над Нижним Новгородом небо чистое, а тут, сколько лет летаю, – всегда тучи висят.

– Это же над бесполетной зоной кажись? – Фролов переключил радиостанцию на эфир. – Борт семнадцать сорок один, запрашиваю сводку погоды по курсу следования. Наблюдаю облачность в районе бесполетной зоны.

– Да ладно тебе! – улыбнулся Вадим, сжав пальцы и потерзав в кресле. – Я ж говорю тебе, это Зона. Там всегда так. Или почти всегда. Аномалии, понимаешь?

– Доверяй, но проверяй, – неуверенно качнул головой Евгений.

– Борт семнадцать сорок один, – начал рапорт диспетчер. – Ветер северо-восточный, два метра в секунду, видимость...

– Осадки? – перебил Фролов и сам себя за это выругал.

– Нет осадков, борт семнадцать сорок один, – ответил женский голос. – Аномальная облачность в бесполетной зоне не имеет движения относительно горизонта. Вы обходите облачность в десяти километрах к северу. Причин для беспокойств нет.

Женя недоуменно посмотрел на довольно улыбающегося и даже несколько раз хихикнувшего Вадима. Он уже потирал руки, предвкушая возможность лишний раз показать свой опыт, больший всего на четыре полета.

– Ничего, я в первый раз тоже перестраховывался, – режюмировал он. – Это...

Вадим не договорил. Он даже закрыть рот не успел.

Кабину тряхнуло. Самолет ударила невиданная сила – удар был слева. Казалось, судно схватила чья-то рука, вмиг забрав у него скорость, целеустремленность и безмятежность ровного полета. Удар на доли секунды успел опередить писк датчика сближения. И тут же сразу за ним в кабину ударил тугий поток воздуха, хлестко врезав Жене по лицу и приведя его в чувство после секундного забытья.

Кабину, такую знакомую и уютную, уже было не узнать: все панели взбунтовались красными аварийными сигналами, обзорное стекло слева большей частью отсутствовало, а его

остатки покрывал узор из множества красочных трещин. Поток морозного ветра, врывающийся в кабину, немилосердно забивал дыхание, пытался вжать Фролова в правый подлокотник и свернуть его непокорную шею. Визжали сирены, беспощадно перекрикиваемые воем двигателя – злым и могущественным. Так ржет конь, почувствовав садистский интерес к переламыванию черепа своего неудачного наездника.

И лишь в левом кресле умирающего самолета безмятежно, без малейшей капли крови, насмехаясь над смертью, сидел Вадим, прошитый от уха до уха острым куском обшивки кабины.

Он уже не увидит страх в глазах Фролова, пытающегося посадить умирающую птицу, и не узнает, каким богам молятся богатые пассажиры в падающем самолете.

Потянувшаяся к бутылке с водой Василиса взять ее в руки не успела. Андрея, мгновение назад стоявшего напротив, отбросило в другой конец салона, а саму Василису выбросило в проход. Она ударилась головой о сиденье, и тут же, не дав возможности сориентироваться, последовал второй удар, от которого у нее заискрилось перед глазами и больно клацнули зубы. Под аккомпанемент визга и сирены Титова, хватаясь за края сидений, доползла до Андрея.

Пролетев по салону спиной вперед, бортпроводник свернул себе шею. По неестественному положению головы было очевидно – это был последний полет Андрея.

Какое-то время, подсчитать которое Титова даже не пыталась, она глупо смотрела на Андрея, потеряв всякую способность мыслить последовательно. Сначала Василиса подумала, что от страха у нее перехватило дыхание, и только потом поняла, что воздуха ей не хватает из-за разгерметизации салона.

Больше сотни перелетов за последние годы, больше сотни раз она слышала стандартную инструкцию перед взлетом от бортпроводников. Но ни разу, даже в свой первый полет, она не верила в возможность крушения. Да даже если оно и случится, она была уверена, что никакие инструкции тут не помогут. После авиакатастроф не выживают.

Зацепившись за сиденье, Титова сделала единственное, что могла: дрожащими и онемевшими руками она пристегнулась. Перед лицом уже болталась кислородная маска; приложив ее, Василиса сделала вдох, но кислород был с привкусом дыма и обжигаящим горло. Взвыв, девушка сложила пополам и закрыла голову руками. Но сил хватило всего лишь на несколько секунд. После этого Титова выпрямилась. И тогда даже показалось, что все нормализовалось, но самолет снова тряхнуло и ее вжало в сиденье.

В смерть не верилось. Молодость вообще в смерть не верит.

Слабо отдавая отчет своим действиям, не замечая силы, вжимающей ее в кресло и не позволяющей нормально дышать, Титова приняла решение – во что бы то ни стало свя-

заться с пилотом.

Для этого она отстегнула ремень и встала. Но спустя пару шагов рука, которой она держалась за спинку кресла, соскользнула и Титова вновь рухнула, отлетев в начало салона. Что-то очень острое и тонкое рассекло бровь, и теплая кровь, смешиваясь со слезами, застлала глаза. Размазав все это по лицу, Василиса, подогнув ноги, забилась в проход, обняла себя за плечи и вся сжалась, ожидая сильного удара.

Беспорядочным потоком неслись в голове мысли, но ни за одну из них она так и не смогла зацепиться. Не было ни обещанного света в конце тоннеля, ни всей жизни перед глазами, ни желания попрощаться с близкими. В свет в конце тоннеля верилось с трудом, нечему там светиться, вся ее жизнь – это работа и попытка прыгнуть выше своей головы, а единственного близкого человека она не видела больше трех лет. Но даже не имея ничего, кроме работы, умирать было страшно.

Сделав глубокий вдох, Василиса почувствовала, что дышать стало легче, самолет в это время снизился до трех километров, Титова зажмурилась, и единственное, что встало перед ее глазами, был образ второго пилота. Он ей запомнился намного больше, чем капитан. В нем чувствовалась жизнь, было во Фролове что-то бесконечно сильное, чему хотелось поддаться и поверить. Может, это был его взгляд, в котором читалось гораздо больше, чем самому Жене хотелось бы. Титовой раньше не доводилось встречать таких лю-

дей, которые, смотря на нее, видят в ней в первую очередь простого человека, а не ведутся на авторитет и возможности.

И в этот момент, когда в мыслях все еще стоял образ второго пилота, последовал новый удар. Сильный и последний.

Время.

Оно не верит ни в мучения, ни в страх, ни в агонию, ему вообще плевать на твои чувства. Наверное, потому пилот проводит в кабинете тренажера больше времени, чем в кабине своего самолета. Больше, чем рядом с любимым человеком, больше, чем на земле. Его учили дробить каждую секунду на миллисекунды, успевать тушить пожар в кабине, останавливать и снова запускать выгорающие двигатели, бороться с заклинившей механизацией крыла, если борткомпьютер превращается из верного друга во врага, с которым нельзя просто так проститься и остаться в живых.

Когда самолет гибнет – отращивай крылья!

И дай им силы отвести многотонную машину еще на сотню метров дальше густого леса, мирно спящего села, кутящего в ночном угаре города. Спасай пассажиров, и, может быть, если Судьба будет благосклонна, спасешься сам. Но никогда не думай об этом. Борись с механизацией, туши пожар, планируй так, будто современные самолеты действительно это умеют при свихнувшихся системах управления.

И Женя боролся. Как никогда в жизни.

Самолет бросило вверх, задрало нос, и он ошалело выключо-

чил оба горящих двигателя. Зашипел пирофаг – нет, он не слышал, но знал, что должен шипеть.

Боже, что сейчас творится в салоне?

– Семнадцать сорок один! Падаю! Пожар в обоих двигателях! Разгерметизация! – орал Фролов, еще не поняв, не имея времени понять, что микрофон от его наушников срезало осколком при первом ударе.

Евгений с трудом опустил нос непокорного самолета, навалившись на штурвал так, что закрипели зубы, а ногти соскребли краску с пластика.

Подбирать правильные слова, утешать и успокаивать панику в салоне – дело второго пилота, но не в тот момент, когда он становится единственным. Разбитые искрящиеся приборы смотрели на него черными глазницами, а некоторые открытыми ртами шептали «Конец! Конец!». Кислородная маска, обязанная помочь пережить перепады давления, болталась перед глазами. Лишь когда Женя на миг смог выровнять самолет, то увидел под ним какие-то окруженные облаками огни. Город? Село?

У Фролова проходил шок, уступая место рационализму и спокойствию. В такие минуты уже не страшно умереть – тобой правят злость и азарт.

– Мы падаем! – заорал он во всю глотку, надеясь, что в салоне его кто-то услышит. – Пристегнитесь! Сгруппируйтесь!

От облаков не отвернуть – штурвал заклинило. Двигатели – левый еще горел, а правый только что потух – были выключены.

чены, не давая никаких шансов свернуть с невидимых рельсов траектории падения. Оставалось только крыло, дающее крохи жизненной силы, которую кто-то умудрился назвать «подъемной». Да, самолет падал, падал не туда, куда нужно и можно. Но Женя еще мог в необходимый момент задержать его падение на секунды.

Они врезались в облака и тут же пробили их покров. На остатках стекла появились капельки влаги, ворвавшиеся в кабину водяной пылью.

Бесполетная зона – пусть. «Феном» уже не летит. А падать даже тут никто не осмелится запретить. Откуда-то справа, разрывая вечернее небо, по ним ударила короткая очередь трассирующими пулями.

«Неужели нам мало досталось?!» – Пилот еще раз, собрав все силы, поднял нос самолета, занимая у смерти еще пару секунд полета. Зенитчик-военный, похоже, понял, что самолет вторгся в Зону не по своей воле – выстрелов больше не было.

Какая-то стена, редкий лес и неизвестно кем подсвеченная опора электропередачи пронеслись под обугленным брюхом самолета. Еще чуть-чуть! Женя успел ударить по панели, сбросив остатки топлива на этот лес и тут же заметил впереди поле, местами поросшее невысокими кустами. Да, было темно, Фролов не мог его увидеть. Но сейчас каждая клеточка тела хотела жить, напрягая органы чувств до нечеловеческого предела.

«Феном» задрал нос, гася все остатки скорости, а потом робко, будто кошка, трогаящая холодную воду, коснулся земли хвостом. Недовольно подпрыгнул на несколько метров, унося за собой комья земли и части вырванного с корнями кустарника, быстро оседая на брюхо. Чудовищная инерция протащила его по торфянику еще добрую сотню метров. Затем эта же инерция, словно решив, что картина еще не полностью завершена, развернула острый хищный фюзеляж самолета влево, оторвав горящее крыло.

И небо над Зоной вновь стало тихим. Оно видело все, и еще несколькими смертями небо не удивить.

Глава 2

Он очнулся, парализованный страхом, в кабине, не в силах двинуться с места. Лишь спустя миг, мысленно похоронив все надежды и навсегда усадив себя в инвалидное кресло, Фролов понял, что двигаться ему не позволяет не перелом, а ремни, чудом уцелевшие и тем самым спасшие жизнь. Женя отстегнул их и замер от боли в грудной клетке, аккуратно провел ладонью по телу, ощупывая ребра, но ничего не понял. Болело все, и определить переломы не представлялось возможным. Стараясь больше не шевелиться, Фролов прислушался к своим ощущениям, потеряв слезящиеся глаза.

В черноте приборной панели, глотая остатки электронных импульсов, светился датчик пожара левого двигателя. Вдалеке что-то потрескивало, вероятно, догорал небольшой лесок, над которым самолет избавлялся от остатков топлива. Пусть. Отличный ориентир для спасательных вертолетов. Впереди кабины стоял вечерний туман, подсвеченный оранжевыми сполохами огня.

Женя заглянул в лицо Вадиму – предсмертная улыбка сошла и оттого оно стало еще более ужасным.

Хотя кто знает, может, сейчас взорвутся пары топлива в баках и их всех – мертвых и живых – распылит по этой пустоши. Мысль про баки придавала сил и энергии превозмочь

боль. Пилот схватился за карабины ремней и долго возился с ними, изогнутыми от ударов, пока не удалось вырваться из западни. Женя взялся было за тумблеры рации, но та замолчала навеки. Ничего – есть аварийный комплект, и он доберется до него. Их (Фролов не хотел даже думать о том, что выжил он один) обязательно найдут, даже тут – в Зоне. Это для коммерческих авиалиний она бесполетная. Российские Вооруженные силы утюжат эти места вертолетами часто. Нужно только дожидаться.

Дверь в салон оказалась намертво закрытой и деформированной. Несколько раз ударив по ней ногой, Фролов бросил эту затею и полез в разбитое окно кабины, распоров и без того изорванный китель. Снаружи картина была еще хуже, чем внутри. В полукилометре позади горел ровной огненной аллеей лес. Самолет был развернут, на белом фюзеляже четко виднелись множественные пробоины, одна – особо большая – приходилась почти по центру. Нет – это не столкновение в воздухе и не стая птиц. Впрочем, сейчас это не его забота. Очень скоро тут будут вертолеты со спасателями и людьми из авиакомпании. Пусть они разбираются, от чего погиб самолет и почему он похож на решето. Обломки дымилась, и лишь на некоторых, лежащих позади машины, играли язычки пламени, освещая все вокруг. Левый двигатель, тот самый, о котором еще сигнализировала система, стоял вертикально далеко за самолетом. Еще раз бросив взгляд на пропаханную борозду в торфянике, Женя метнулся к фюзе-

ляжу, прихватив на бегу какую-то длинную и острую балку. Ею он разбил блок аварийного сброса двери, вовремя отскочив от последней, когда та вывалилась наружу.

– Есть кто живой? – прокричал он в черноту салона сорвавшимся хриплым голосом. Рядом с дверью на полу лежало тело Андрея, было очевидно, что он мертв.

– Евгений! – услышал пилот знакомый женский голос. Пассажирка, надышавшись углекислым газом, закашлялась.

Не смотря под ноги, Титова пронеслась по разбитому проходу несколько метров, споткнулась, упала, проползла по полу и наконец увидела в проеме двери силуэт.

– Женя, вы живы! – Со смешанными эмоциями Титова обняла пилота, прижавшись к нему дрожащим телом.

Теперь, когда она видела горящие обломки самолета, Василиса понимала, какое чудо совершили пилоты.

Пассажирка выглядела удручающе: левый рукав пиджака был оторван, правый порван, одной балетки на ноге не было, а из рассеченной брови продолжала идти кровь, стекая на мокрую от пота шею и впитываясь в некогда белую майку.

Пилот, протягивая руку девушке, не успел сказать об аварийном наборе и спасателях, а просто молча поддался объятиям.

Она была жива. Изодрана в клочья, перепугана, дрожащая, как осиновый лист на ветру, и не отдающая отчет своим поступкам, но живая. Фролов тоже дрожал всем телом, как будто еще вел умирающую железную птицу, выигрывая

метр за метром.

Шок Титовой сменился плачем, бормотанием, невнятными выкриками, которые быстро глохли и захлебывались в слезах. У каждого своя истерика. Растерянно глядя Василису по спине, Фролов сам не заметил, как начал утешать ее глупыми и избитыми фразами, никогда не работающими как надо, но повторяющимися уже не один десяток лет.

Это была не бизнес-леди. Женя смотрел и видел перед собой девчонку, обманувшую смерть, чудом выжившую и полностью осознающую это.

– Не плачь... – Женя тяжело сглотнул вязкую и горькую слюну, – те, – выдавил он из себя остатки субординации. – Мы на земле. Мы сели. Не надо плакать.

Летавший всегда среди смерти, страданий и отчаяния, он так и не научился утешать и подбирать нужных слов. Слишком часто Фролов говорил тяжело раненным, что все будет хорошо, понимая, что хорошо уже не будет никогда. Тогда Женя ненавидел себя, видя как те, в кого он вселял надежду, умирали, не долетев до родного аэродрома, где им могли бы помочь.

Он снова посмотрел на Василису, уже начавшую приходить в себя и отстранившуюся от него. Теперь они равны. Пилот без своей машины и бизнесменша, чьи деньги и связи здесь не имеют никакого значения.

Пассажирка успокоилась, только продолжала беззвучно плакать и вытирать слезы, смешивая их с кровью из раны,

которая не хотела затягиваться. Женские слезы никогда не проходят бесследно. Особенно для тех, кому судьбой дано быть их свидетелем.

Они отошли почти одновременно. Василиса окончательно успокоилась, а у Жени прошло оцепенение.

Он первый раз за все время посмотрел вперед, заглянув за самолет. Впереди виднелось озеро, окруженное голой землей, словно деревья, в обилии растущие вокруг, игнорировали это место. С другой стороны разбитая дорога, за которой виднелись многоэтажные дома.

– Где мы? – спросила девушка, и Женя ощутил робкое касание ее ладони.

Жертвы катастроф – учили их – особо нуждаются в чьем-то присутствии. От этой мысли Фролову стало Василису как-то особо, по-детски жаль. Для него, падающего второй раз, это был сильнейший удар. Если получится отсюда выбраться живыми, то его, скорее всего, спишут по психике. А каково ей?

– Мы в бесполетной Зоне, – решительно ответил он. – Здесь небезопасно, но я уверен, нам недолго ждать помощи. Вам не стоит беспокоиться. Я найду аварийный комплект.

Он прошел к избитому корпусу воздушного судна, на ходу отыскивая взглядом нишу с комплектом. В отличие от двери, открыть ее оказалось легко. Отцепив защелку, Женя начал вспоминать, что он знает об этой Зоне. Это место, где упал то ли метеорит, то ли сел корабль пришельцев.

Так по крайней мере гласила желтая пресса. На ускоренных штурманских курсах бесполетным Зонам было уделено буквально несколько часов времени, и преподаватель суммировал лишь ту информацию, что человечество ничего толком об этих местах не знает. Жителей эвакуировали, потому что здесь было небезопасно, многократно повысился уровень радиации. Точно. Радиация!

Мельком глянув на пассажирку, Женя с осторожностью подумал, что дозиметра в гражданских самолетах не предусмотрено. Так же как и оружия. А оно ох как было бы сейчас кстати!

– Ничего за пару часов с нами не делается, – пробурчал себе под нос пилот, забирая спасательное фольгированное одеяло и доставая из металлического бокса сигнальную ракетницу.

Потом что-то случилось еще, продолжал вспоминать Женя сведения о Зоне, появились аномалии и мутанты. Собственно, из-за аномалий здесь и не летают, даже на высоте, которая считается по всем правилам безопасной. Зону окружили войска, собственно, Женя вспомнил, что они пролетали высокую стену Кордона. В новостях еще говорили, что в Зоне появились неучтенные лица, собирающие аномальные образования. Первых вроде называли сталкерами, а вторых – артефактами.

От мысли об неучтенных лицах, аномалиях и мутантах Фролову стало не по себе. Достав из бокса вторую ракетницу

и на ходу ее заряжая, Женя поспешил к оставшейся одной Василисе.

За все время, которое она была одна, девушка даже не пошевелилась, только быстро крутила головой и потирала замерзшие плечи.

– Василиса Владимировна, – Женя протянул ей ракетницу, – вы умеете этим пользоваться? Пожалуйста, возьмите. При необходимости сделайте выстрел, нажав сюда, – показал ей пилот.

Вряд ли при таком статусе она не имела собственного оружия, но кто знает. Женя сознательно не рассказал ей о своих опасениях. Поэтому, протягивая ракетницу, не упомянул, что направлять на человека ее не стоит.

Она забрала ракетницу и молча, но уверенно кивнула. Сигнальными пистолетами пользоваться ей не доводилось, но их устройство напоминало устройство гладкоствольного охотничьего ружья, а с ним ей на одном из полигонов Новосибирска обращаться приходилось. Мысленно поблагодарив Макса, привившего ей любовь к столь неженскому увлечению, как стрельба из огнестрельного оружия, она убрала ракетницу в карман.

– Мы в зоне экологического бедствия, – продолжал Фролов. – В некоторых местах здесь может быть очень опасно. Нам не стоит далеко уходить от самолета. Старайтесь ничего не трогать, не поднимать никаких предметов, я сейчас найду вам обувь.

Больше всего хотелось упасть на землю, прямо в мокрую от росы траву, и выть волком. Странно, но он совсем забыл в эти минуты и о стюарде, и о Вадиме, от одного воспоминания о котором подкатывала тошнота. Он знал лишь одно – нужно занять себя делом. Любим, лишь бы не сорваться и не сойти с ума. На него смотрят. До прибытия спасателей он и только он несет ответственность за выжившую пассажирку.

– Я знаю, где мы, – неожиданно подала голос Василиса.

Ее спокойный и уверенный голос заставил Фролова вздрогнуть. Титова изменилась за короткий миг, поймать который Женя не успел. Она успокоилась, выпрямилась, став, кажется, на целую голову выше, взгляд ее стал осмысленным и холодным.

– Эм, – она смаковала каждую букву, будто сама пыталась поверить в то, что говорит. – Ээээ... – беспристрастно выдала она. – О. Это Кузьминский лесопарк.

Два с половиной года назад компания Титовой разрабатывала программное обеспечение для российских военных Периметра. Поступил заказ на разработку простого, понятного, максимально защищенного и функционального приложения, в котором не будет ничего лишнего и будет учтена вся специфика. Быстрое обновление карт, удобная коммуникация, приложение, которое быстро определяет координаты военнослужащего при помощи спутников и оперативно передает информацию на командный пункт. Программное обеспечение, позволяющее легко ориентироваться на мест-

ности, командовать боевыми расчетами. Это был очень большой, очень выгодный заказ, на который из-за коротких сроков, всего девять месяцев, были брошены все силы команды Титовой.

Права на ошибку с таким заказчиком не было.

Во-первых, от того, что они делали, зависела жизнь солдат.

Во-вторых, репутация компании.

Ведь именно после удачного заказа о компании заговорили уже на мировом уровне.

Сама Титова была также втянута в весь процесс создания приложения: она изучала местность, ее специфику, старые карты, накладывала на них новые, анализировала, как влияют на сигнал те или иные аномалии. Вскоре карта, над которой она проводила бессонные ночи, читая старые и новые отчеты, из-за сотни отметок, пунктирных линий, понятных только ей самой обозначений стала напоминать картину в стиле абстрактного экспрессионизма.

После слов Василисы пилот оторопел. Чтобы бессмысленно не стоять на месте, он попытался вернуться к аварийной рации, но замер, не сделав больше ни шагу.

На фоне белого корпуса двигателя, вертикально стоящего метрах в двухстах от самолета, отчетливо виднелся силуэт человека. Неизвестный застыл в позе мужчины, справляющего малую нужду. Женя машинально потянулся к карману.

– Ну вот и началось... Неучтенные лица.

– Что? – переспросила его Василиса, не разобрав тихого бубнения пилота.

– Василиса Владимировна, – говоря тихо, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, обратился он к девушке, – я бы советовал вам вернуться обратно в самолет и не выходить, пока я не позову вас.

Он лишь на миг скосил взгляд на девушку, но, когда вновь уставился на остов двигателя, мужчины уже не было. И тут же справа послышался гул мотора, а яркие лучи прожектора разрезали сгущающиеся сумерки.

«УАЗ», доделанный кустарно местными умельцами, выглядел угрожающе и напоминал транспорт апокалипсиса: лязгающий, ржавый, тяжелый. В кабине, увенчанной паутиной погнутых труб, сидели трое. За рулем Фролов рассмотрел девушку в байкерских перчатках. На ее голове до густых бровей была натянута вязаная шапка, на шее небрежно болтался респиратор, а поверх шерстяного свитера была накинула косуха, явно пережившая очень много и скорей всего доставшаяся от кого-то по «наследству».

Рядом с женщиной сидел крупный полноватый мужчина лет сорока, в руках у которого находился автомат. Почесав густую бороду, он дал водителю знак рукой, после чего машина остановилась.

Третьего пассажира Женя рассмотреть не мог, но ему показалось, что это совсем юнец, подросток. Щуплый паренек, лицо которого скрывали желтые противопылевые очки и ко-

зырек армейской кепки, не давая полностью разглядеть его.

– Вы кто? – перекрикивая рев двигателя, спросил бородач.

– Второй пилот, – ощущая недоброе, лаконично отрезал Фролов.

Бородач вышел из автомобиля, осмотрел Женю с ног до головы, остановил взгляд на кармане, из которого торчала ракетница, а затем кивнул, словно соглашаясь со своими мыслями.

– И что ты здесь делаешь, второй пилот? – продолжил здоровяк, недобро держа руку рядом с кобурой.

– Жду спасателей, – снова невозмутимо ответил Женя, уже не выпуская Василису из поля зрения. Происходящее ему категорически не нравилось, но к толстяку неприязни он не испытывал.

Пилот сейчас был рад любым людям, и, выгляди эта компания чуть более умытой и менее бандитской, он не колеблясь попросил бы о помощи.

– Ну так что, тогда поехали? – Похоже, ответ Жени его полностью устроил. – От этого места добра ждать не стоит, того и глядишь, – толстяк опасно осмотрелся, словно за ним могли следить, – неприятность какая-нибудь случится. Тут псов много, аномалии, да и людишки шляются подозрительные.

– Вы вообще кто? – подала голос Титова.

Фролов снова скосил взгляд на девушку. Та, разумеется,

приказа послушалась и никуда не ушла. Она была напряжена: кулаки сжаты, дыхание глубокое и частое, плечи подняты, губы сложены в тонкую полоску. Женя физически ощущал, как напряжен каждый ее мускул. Титова-пружина была готова в любую секунду распрямиться и действовать.

– Мы местные. – Внимание толстяка переключилось от Жени к Василисе. – Не бойсь.

Они встретились взглядами и долгие секунды друг друга им пожирали, в итоге толстяк не выдержал и отвернулся. Титова, потерявшая свои очки, смотрела очень тяжело и надменно. Так смотрят люди, которые уверены в том, что знают больше, чем ты.

Бородач вытер под носом влагу рукавом, шумно вдохнул и перехватил автомат. Сделал он этот жест без какого-либо намека, но Титова дернулась, отступила на шаг в сторону и заметила, как Женя также отскочил на несколько метров.

– Ну так что? – спросила женщина за рулем. – Едете с нами или будете здесь и дальше радиацию хватать?

– Я сам штурмовик в прошлом. – Теперь бородач был более аккуратен и внимательно следил за Фроловым и Титовой. – В Чечне горел. Не обижу. Бери свой аварийный комплект, барышню и залезай в машину. Отвезем туда, где безопасней, а дальше свяжешься со своими.

– Куда это мы поедем? – Женя загородил Василису собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.